

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ
ПЕДАГОГИКА.
ПСИХОЛОГИЯ.
СОЦИОКИНЕТИКА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 2006 года

V E S T N I K
KOSTROMA
STATE UNIVERSITY

SERIES
PEDAGOGY.
PSYCHOLOGY.
SOCIOKINETICS

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 2006

2 0 1 9

№ 1

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, 19.00.00 – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2007 ГОДА

16+

ISSN 2073-1426

ПСИХОЛОГИЯ СТРЕССА И СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

УДК 159.923

Харламенкова Наталья Евгеньевна

доктор психологических наук, профессор
Институт психологии РАН, г. Москва
nataly.kharlamenkova@gmail.com

ЭГО-ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ У ЛИЦ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-29-02155*

Представлены результаты теоретико-эмпирического исследования особенностей организации Эго-идентичности при разном уровне посттравматического стресса, вызванного воздействием стрессоров высокой интенсивности. Верификация гипотез исследования проведена на выборке людей 35–45-летнего возраста (n=70). Выявлено, что с уровнем посттравматического стресса наиболее тесно связаны такие показатели Эго-идентичности как ответственность за выбор и эмоциональная зрелость. Показано, что высокий уровень посттравматического стресса сопровождается снижением уровня интеграции Эго-идентичности и автономности и повышением диффузии. Гипотеза о том, что с возрастом уровень посттравматического стресса у людей с диффузной идентичностью повышается, не подтвердилась. Даются объяснения полученным данным и определяются перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: травматическое событие, посттравматический стресс, автономная Эго-идентичность, диффузная Эго-идентичность, ответственность за выбор, возраст.

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) как одно из психологических последствий влияния на человека стрессоров высокой интенсивности описывается перечнем признаков, которые объединяются в следующие кластеры симптомов: навязчивость (вторжение) переживаний, связанных с травматическим событием, стремление избегать стимулов, напоминающих о травме, изменение когнитивных процессов и настроения, возбудимость и реактивность. В «Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам» в пятой редакции (Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders 5th edition revised, DSM-V) был включен новый симптом ПТСР, указывающий на изменения представлений о себе, о других людях и о мире в целом [10]. Этот факт был вызван многочисленными наблюдениями за людьми, пережившими воздействие психотравмирующих стрессоров. Особенности Я-концепции, самооценки, самоотношения, изменения в мотивационно-потребностной сфере обсуждаются и в ряде научных исследований [12; 14]. Показано, например, что при посттравматическом стрессовом расстройстве можно наблюдать отдельные проявления диффузной идентичности, признаки диссоциации, включенность травматического события в структуру личностной идентичности в качестве центрального элемента Эго и др. [11].

Известно, что формирование Эго-идентичности происходит в подростковом возрасте, но в зависимости от различных факторов она может быть диффузной или интегрированной (Э. Эриксон), предрешенной, достигнутой, диффузной (Дж. Марсия)

и др. В современных исследованиях принято анализировать становление Эго-идентичности в соответствии с двумя траекториями ее развития: от состояния диффузной идентичности до статуса моратория и от моратория до сформированной (достигнутой) идентичности с учетом комплекса дополнительных переменных, в том числе и особенностей социального контекста [13; 15]. В разных исследованиях показано, что при сформированной идентичности наблюдается высокий уровень субъективного благополучия, флексибельность, личностная зрелость; диффузная идентичность чаще всего выявляется у людей с ненадежной привязанностью и примитивными защитными механизмами [8; 16].

Значительное распространение получили исследования, посвященные изучению особенностей Эго-идентичности в периоды жизненных кризисов у взрослых людей [5; 7 и др.]. Так, по мнению Е.Л. Солдатовой для каждой фазы нормативного кризиса свойственен определенный статус Эго-идентичности: для начала кризиса – предрешенная Эго-идентичность, заданная новой социальной ситуацией; для кульминации кризиса – диффузная; для завершающей фазы кризиса – автономная или достигнутая Эго-идентичность. Стабильные периоды развития характеризуются мораторием в поиске Эго-идентичности [4; 7]. Изменение структуры Эго-идентичности в зависимости от разных по уровню стабильности/нестабильности фаз жизни подтверждает существующее мнение, согласно которому Эго-идентичность может претерпевать изменения и в последующие после подросткового возраста периоды жизни.

Особый интерес представляет для нас проблема устойчивости/изменчивости Эго-идентичности у людей с разным психотравмирующим опытом. Нарушение Эго-идентичности, т.е. кардинальные изменения в представлениях о себе, более примитивные, упрощенные самоописания, наличие противоречий и разрывов в приписываемых себе характеристиках, а также схематичное описание Другого ограничивают возможности человека, примитивизируют его жизненные выборы, сужают сферу потребностей, нарушают эмоциональную регуляцию. О. Кернберг писал, что умение человека описывать себя дифференцированно, давать непротиворечивые оценки Я, «глубинно исследовать свою личность показывают нормальную способность к тестированию реальности» [2, с. 51].

Нарушение Эго-идентичности еще в большей степени способствует «застреванию» личности в травме, затрудняет решение человеком актуальных жизненных задач и препятствует нормальному межличностному взаимодействию.

Цель настоящего исследования состояла в выявлении различий в особенностях Эго-идентичности при разном уровне посттравматического стресса как одного из психологических последствий воздействия на человека интенсивных стрессоров при учете показателя возраста.

Гипотезы исследования: 1. При высоком уровне посттравматического стресса (ПТС), коррелирующего с клинической картиной ПТСР, изменения в показателях Эго-идентичности будут в большей степени наблюдаться по таким параметрам как ответственность за выбор, осознанность личностью своего жизненного пути, принятие настоящего. 2. С возрастом уровень посттравматического стресса у людей с диффузной идентичностью повышается.

Участники исследования: 70 человек, мужчины (n=15) и женщины (n=55) в возрасте 35–45 лет, средний возраст – 39 лет (SD=3,4). Уровень образования – высшее. Социальный и экономический статус – средний. Профессии специально не фиксировались, при этом, 80% выборки составили офисные работники, 20% – женщины-домохозяйки. Сбор и статистическая обработка данных были проведены Ю.И. Никифоровой в рамках подготовки магистерской работы (руководитель Н.Е. Харламенкова) [4].

Процедура и методы исследования. Для диагностики травматических событий и их последствий – уровня посттравматического стресса – использовались *Опросник травматических ситуаций* (Life Experience Questionnaire, LEQ) Дж. Норбек, И. Сарасон и др. и *Миссисиппская шкала* – гражданский вариант (Mississippi Scale, MS) Т. Кина и др. Обе методики в адаптации Н.В. Тарабриной с коллегами [6].

Опросник травматических ситуаций (LEQ) основан на самоотчете и предназначен для оценки

влияния на личность психических травм, предшествующих актуальной травме. Методика позволяет дать количественную оценку интенсивности переживаний и оценить степень уязвимости человека по отношению к стрессогенному воздействию травматических жизненных событий. Анализируются показатели: общее количество пережитых на протяжении жизни травматических событий, суммарный показатель влияния указанных событий на жизнь опрашиваемого (за последний год), «индекс травматизации» (ИТ), который является усредненным показателем влияния на индивида психической травмы и отражает уязвимость человека к стрессогенному воздействию травмирующих жизненных событий и интенсивность их переживания.

Миссисиппская шкала (гражданский вариант) разработана для диагностики степени выраженности посттравматических стрессовых реакций. Шкала состоит из 39 утверждений, каждое из которых оценивается по пятибалльной шкале Ликкерта. Итоговый показатель по методике позволяет выявить степень воздействия перенесенного индивидом травматического опыта. Содержащиеся в опроснике пункты входят в четыре категории, три из которых соотносятся с критериями DSM: 11 пунктов направлены на определение симптомов вторжения, 11 – избегания, 8 относятся к критерию физиологической возбудимости. Пять остальных вопросов направлены на выявление чувства вины и суицидальности.

Для диагностики Эго-идентичности применялась *Методика диагностики структуры и статусов эго-идентичности* (СЭИ-тест) Е.Л. Солдатовой [7]. Тест включает 50 пунктов, каждый из которых представляет собой «тройку» высказываний, относящихся к одному из показателей статуса эго-идентичности: автономному (А), диффузному (С), предрешенному (Ф). При подсчете результатов определяется количество баллов по каждому показателю статуса Эго-идентичности по семи шкалам: «Ответственность за выбор», «Самодостаточность», «Осознанность жизненного пути», «Эмоциональная зрелость», «Принятие настоящего», «Осознанность собственных ценностей», «Соответствие себе». Кроме этого, определяется общий балл по всем шкалам для каждого показателя статуса Эго-идентичности.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программного пакета STATISTICA 10.0. Использовались описательная статистика, коэффициент корреляции Спирмена (r_s), U-критерий Манна-Уитни.

Результаты исследования. По данным анализа событий наиболее травмирующими оказались: известие о смерти или тяжелой болезни близкого человека, родственника (вопрос № 14 опросника LEQ), проживание с родственником, имеющим серьезные психические нарушения (вопрос № 25).

Умеренное влияние оказывают развод с мужем/женой (вопрос № 23), эмоциональное оскорбление или пренебрежение (вопрос № 26).

Для проверки *первой гипотезы* было проверено наличие статистически значимой связи между общим показателем ПТС, полученным по Миссисипской шкале, и показателями методики СЭИ-тест. Была выявлена тесная отрицательная связь между автономией (А) – по показателям всех шкал (кроме шкалы «Осознанность собственных ценностей») опросника СЭИ-тест. Наиболее тесными являются связи между уровнем ПТС и шкалами «Ответственность за выбор» ($r_s = -0,54$, $p = 2 \cdot 10^{-6}$), «Эмоциональная зрелость» ($r_s = -0,48$, $p = 3 \cdot 10^{-5}$), и далее – шкалами «Самодостаточность» ($r_s = -0,39$, $p = 0,001$), «Принятие настоящего» ($r_s = -0,32$, $p = 0,001$), «Осознанность жизненного пути» ($r_s = -0,35$, $p = 0,003$) и «Соответствие себе» ($r_s = -0,32$, $p = 0,01$). Прямая связь выявлена между показателями диффузной идентичности (С) и уровнем ПТС, а именно диффузией по шкале «Ответственность за выбор» ($r_s = 0,52$, $p = 2 \cdot 10^{-5}$), «Осознанность жизненного пути» ($r_s = 0,45$, $p = 0,0001$), и далее – шкалами «Эмоциональная зрелость» ($r_s = 0,39$, $p = 0,001$), «Принятие настоящего» ($r_s = 0,39$, $p = 0,001$), «Самодостаточность» ($r_s = 0,37$, $p = 0,002$), «Осознанность собственных ценностей» ($r_s = 0,35$, $p = 0,003$), «Соответствие себе» ($r_s = 0,31$, $p = 0,01$).

Расчет коэффициента корреляции между Индексом травматизации опросника LEQ и показателями СЭИ-теста подтвердил полученные выше данные ($p < 0,02$). Связей между показателями предпринятой идентичности (Ф) и уровнем ПТС выявлено не было.

Обсуждая данные исследования отметим, что при высоком уровне посттравматического стресса наблюдаются выраженные признаки диффузии Эго-идентичности. Как и предполагалось, наиболее тесные связи выявлены между уровнем ПТС и показателями шкалы «Ответственность за выбор». Выдвинутое предположение относительно показателей «Осознанность жизненного пути» и «Принятие настоящего» также подтвердилось, но эти связи оказались менее тесными. Нам представляется, что ответственность личности в ситуации выбора характеризует ее как субъекта жизни, способного не только размышлять и оценивать себя, свои намерения и ценности, но и действовать в соответствии со сложившимися обстоятельствами. Чем выше уровень психотравматизации, тем меньше человек осознает свой жизненный путь, принимает настоящее, ощущает себя самодостаточным и аутентичным; он утрачивает способность выражать и регулировать свои эмоции, планировать будущее. Наряду с названными показателями именно *ответственность за выбор*, т.е. способность принимать решения и реализовывать свои планы становится для человека с высоким уровнем ПТС ме-

нее типичной; появляются признаки пассивности, зависимости, беспомощности.

Следует предположить, что воздействие разных видов стрессоров, например, кратковременных (кража) или продолжительных, повторяющихся в течение какого-то интервала времени (физическое, эмоциональное, сексуальное насилие), внешних (природные и техногенные катастрофы) или внутренних (угрожающее жизни заболевание) будет сопровождаться различными изменениями Эго-идентичности. Решая эту задачу, можно будет понять специфику диффузии идентичности в зависимости от типа травмирующего стрессора и интенсивности вызванных им психологических последствий. Подобные исследования уже проводятся в лаборатории развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях Института психологии РАН [1; 3] и их завершение позволит систематизировать данные об особенностях организации Эго-идентичности в условиях воздействия разных травматических стрессоров с учетом возраста респондента и давности травматического события.

В настоящем исследовании была предпринята попытка учесть показатель возраста респондентов с разной Эго-идентичностью (автономной или диффузной) при оценке уровня ПТС. Для проверки *второй гипотезы* выборка была разделена на две группы: 1 группа – 35–39 лет ($n = 42$), 2 группа 40–45 лет ($n = 28$). В каждой группе выделили подгруппы с автономной и диффузной Эго-идентичностью и сравнили их по выраженности посттравматического стресса. Проведенный анализ не выявил статистически значимых различий по уровню посттравматического стресса ни в группе людей с автономной ($U = 33,0$, $p = 0,9$), ни в группе людей с диффузной идентичностью разного возраста ($U = 29,0$, $p = 0,8$). Такие различия были получены при сравнении респондентов с автономной и диффузной Эго-идентичностью отдельно в каждой возрастной группе: в 35–39 лет ($U = 21,5$, $p = 0,001$) и 40–45 лет ($U = 3,0$, $p = 0,0005$). Различия оказались статистически значимыми и подтвердили первую гипотезу о связи уровня посттравматического стресса с диффузной идентичностью, но фальсифицировали вторую гипотезу о повышении с возрастом уровня посттравматического стресса у людей с диффузной идентичностью.

Обсуждая полученные результаты важно отметить, что связь уровня посттравматического стресса и выраженности автономности или диффузии Эго-идентичности, выявленная в настоящем исследовании, может интерпретироваться только как сопряженность этих показателей. Оснований для построения каузальных отношений между уровнем ПТС и автономностью или диффузией Эго-идентичности недостаточно. Представляется, что в зависимости от целого ряда дополнительных факторов, например, наличия/отсутствия социаль-

ной поддержки, надежной привязанности, системы стратегий регуляции эмоций, копинг-стратегий и др., посттравматический стресс может выступать либо причиной, либо следствием диффузии идентичности. В любом случае диффузия идентичности сопутствует переживанию посттравматического стресса и проявляется в наличии в представлениях о себе разрывов, противоречий, конфликтов, нарушением интеграции Я.

Переменной «возраст» в исследованиях посттравматического стресса уделяется особое внимание, поскольку психическая травма характеризуется устойчивостью, стабильным негативным влиянием на жизнь человека. Потеря с возрастом возможностей совладания с последствиями травмы посредством отрицания или подавления мыслей и чувств, связанных с ней, может вернуть человека не только к воспоминаниям о травматическом событии, но и к актуальному переживанию прошлого. В настоящем исследовании разброс показателей по возрасту был небольшим. Установление возрастных границ выборки было обусловлено необходимостью сравнения респондентов, уже достигших 40 лет, с респондентами, не достигшими этого рубежа. Предполагалось, что возможный кризис 40 лет негативно отразится на Эго-идентичности, и его последствием станет увеличение уровня посттравматического стресса у 40–45-летних людей с диффузной идентичностью. В настоящем исследовании это предположение не подтвердилось: различий в уровне ПТС у респондентов с диффузной идентичностью выявлено не было. Полученный результат согласуется с нашим предположением, согласно которому так называемый кризис середины жизни можно назвать не типичным, а единичным явлением. В целом период средней взрослости характеризуется высоким уровнем социальной и профессиональной активности человека, формированием устойчивых предпочтений и ценностей, осознанием своих возможностей, которые препятствуют развитию посттравматического стресса даже у наиболее травмированных личностей. Как показано в наших исследованиях, уровень ПТС существенно повышается в более позднем возрасте и в зависимости от характера стрессора может не компенсироваться даже при наличии достаточных ресурсов социальной поддержки [9].

Сопряженность диффузии Эго-идентичности и высокого уровня посттравматического стресса при наличии других негативных факторов способствует еще более глубокой деформации личности, при которой нарушаются прежние социальные связи и увеличивается дистанция во взаимоотношениях с другими людьми. Совладание с последствиями психической травматизации позволит личности изменить отношение к событию и тем самым принять тот жизненный опыт, который ранее символизировался искаженно. Работа с травмой может способ-

ствовать интеграции Эго-идентичности и наиболее полному осознанию своей аутентичности.

Выводы:

1. Одним из психологических последствий влияния на человека стрессоров высокой интенсивности является посттравматический стресс, которому сопутствуют изменения в организации Эго-идентичности.

2. Установлены наиболее тесные связи между уровнем посттравматического стресса и такими показателями Эго-идентичности как ответственность за выбор и эмоциональная зрелость, которые при высоком уровне посттравматического стресса проявляются диффузно.

3. Уровень посттравматического стресса не изменяется с возрастом у людей, имеющих диффузную Эго-идентичность, но при условии сравнения данных в узком возрастном диапазоне.

Библиографический список

1. Бузина А.А. Посттравматический стресс и психопатологическая симптоматика как психологические последствия эмоционального оскорбления // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. – С. 1862–1869.
2. Кернберг О. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. – М.: Независимая фирма «Класс», 2000. – 464 с.
3. Никитина Д.А. Оценка психопатологической симптоматики у пациентов с диагнозом «менингиома» при разном уровне посттравматического стресса // Психологические исследования: Вып. 8 / под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – С. 131–142.
4. Никифорова Ю.И. Особенности эго-идентичности при переходе от ранней к средней взрослости у людей, перенесших психическую травму: Магистерская диссертация. – М.: ГАУГН, 2017.
5. Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. – М.: Академия, 2000. – 184 с.
6. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1: Теория и методы / под ред. Н.В. Тарабриной. – М.: Когито-Центр, 2007. – 208 с.
7. Солдатова Е.Л. Нормативные кризисы развития личности взрослого человека: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Челябинск, 2007. – 43 с.
8. Солдатова Е.Л., Шляпникова И.А. Связь эго-идентичности и личностной зрелости // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. – 2015. – Т. 8. – № 1. – С. 29–33.
9. Харламенкова Н.Е. Переживание утраты в пожилом возрасте // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / отв. ред. М.И. Воловикова, А.Л. Жу-

равлев, Н.Е. Харламенкова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – С. 169–191.

10. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Fifth Edition (DSM-5). – Arlington, VA: American Psychiatric Publishing, 2013. – 992 p.

11. Bernard J.D., Whittles R.L., Kertz S.J., Burke P.A. Trauma and event centrality: Valence and incorporation into identity influence well-being more than exposure // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. – 2015. – 7 (1). – P. 11–17.

12. Ducharme E.L. Best practices in working with complex trauma and dissociative identity disorder // Practice Innovations. – 2017. – 2 (3). – P. 150–161.

13. Hatano K., Sugimura K. Is adolescence a period of identity formation for all youth? Insights from a four-wave longitudinal study of identity dynamics in Japan // Developmental Psychology. – 2017. – 53 (11). – P. 2113–2126.

14. Keshet H., Gilboa-Schechtman E. Symptoms and beyond: Self-concept among sexually assaulted women // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. – 2017. – 9 (5). – P. 545–552.

15. Meeus W. The identity status continuum revisited: A comparison of longitudinal findings with Marcia's model and dual cycle models // European Psychologist. – 2018. – 23 (4). – P. 289–299.

16. Saland J.D., Hawkins R.C. Psychological flexibility, attachment style, and personality organization: Correlations between constructs of differing approaches // Journal of Psychotherapy Integration. – 2017. – 27 (3). – P. 365–380.

Referencies

1. Buzina A.A. Posttravmaticheskij stress i psihopatologicheskaya simptomatika kak psihologicheskie posledstviya ehmocional'nogo oskorbleniya // Psihologiya cheloveka kak sub"ekta poznaniya, obshcheniya i deyatel'nosti / otv. red. V.V. Znakov, A.L. ZHuravlev. – M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2018. – S. 1862–1869.

2. Kernberg O. Tyazhelye lichnostnye rasstrojstva: Strategii psihoterapii. – M.: Nezavisimaya firma «Klass», 2000. – 464 s.

3. Nikitina D.A. Ocenka psihopatologicheskoy simptomatiki u pacientov s diagnozom «meningioma» pri raznom urovne posttravmaticheskogo stressa // Psihologicheskie issledovaniya: Vyp. 8 / pod red. A.L. ZHuravleva, E.A. Sergienko. – M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2016. – С. 131–142.

4. Nikiforova YU.I. Osobennosti ehgo-identichnosti

pri perekhode ot rannej k srednej vzroslosti u lyudej, perenessih psihicheskuyu travmu: Magisterskaya dissertaciya. – M.: GAUGN, 2017.

5. Polivanova K.N. Psihologiya vozrastnyh krizisov. – M.: Akademiya, 2000. – 184 s.

6. Prakticheskoe rukovodstvo po psihologii posttravmaticheskogo stressa. CH. 1: Teoriya i metody / pod red. N.V. Tarabrinoj. – M.: Kogito-Centr, 2007. – 208 s.

7. Soldatova E.L. Normativnye krizisy razvitiya lichnosti vzroslogo cheloveka: avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. – CHelyabinsk, 2007. – 43 s.

8. Soldatova E.L., SHlyapnikova I.A. Svyaz' ehgo-identichnosti i lichnostnoj zrelosti // Vestnik YUUrGU. Seriya: Psihologiya. – 2015. – T. 8. – № 1. – S. 29–33.

9. Harlamenkova N.E. Perezhivanie utraty v pozhilom vozraste // Psihologicheskie issledovaniya lichnosti: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy / otv. red. M.I. Volovikova, A.L. ZHuravlev, N.E. Harlamenkova. – M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2016. – S. 169–191.

10. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Fifth Edition (DSM-5). – Arlington, VA: American Psychiatric Publishing, 2013. – 992 p.

11. Bernard J.D., Whittles R.L., Kertz S.J., Burke P.A. Trauma and event centrality: Valence and incorporation into identity influence well-being more than exposure // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. – 2015. – 7 (1). – P. 11–17.

12. Ducharme E.L. Best practices in working with complex trauma and dissociative identity disorder // Practice Innovations. – 2017. – 2 (3). – P. 150–161.

13. Hatano K., Sugimura K. Is adolescence a period of identity formation for all youth? Insights from a four-wave longitudinal study of identity dynamics in Japan // Developmental Psychology. – 2017. – 53 (11). – P. 2113–2126.

14. Keshet H., Gilboa-Schechtman E. Symptoms and beyond: Self-concept among sexually assaulted women // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. – 2017. – 9 (5). – P. 545–552.

15. Meeus W. The identity status continuum revisited: A comparison of longitudinal findings with Marcia's model and dual cycle models // European Psychologist. – 2018. – 23 (4). – P. 289–299.

16. Saland J.D., Hawkins R.C. Psychological flexibility, attachment style, and personality organization: Correlations between constructs of differing approaches // Journal of Psychotherapy Integration. – 2017. – 27 (3). – P. 365–380.